

МАСШТАБЫ ТРАГЕДИИ

Надо было проявить немалую смелость, чтобы выйти с трактовкой роли Ричарда III в одноименной трагедии Шекспира, роли, предполагавшей неминуемый спор с некоторыми устоявшимися представлениями о границах прочтения классики.

Актер Михаил Ульянов (он же и режиссер спектакля театра имени Евг. Вахтангова «Ричард III») в союзе с постановщиком Рачия Капляняном вступает в этот спор с первых же минут своего появления на сцене. Меньше всего в этой сгорбленной фигуре, в этих угловатых, резких движениях и жестах от величия, от принадлежности к королевскому роду. В ульяновском герое нет и следа импозантности, рафинированности, являвшейся одной из существенных красок у некоторых создателей образа. Напротив, если уж что и превалирует в Ричарде Ульянова, то неприглядная, не прикрываемая никакими королевскими одеждами характеристика мужлана, грубый натиск, наглая сила. Наглость и цинизм — вот что сразу заявляет актер в своем герое, показывая поистине фатальную жажду власти, для которой не существует никаких препятствий, никаких моральных заграждений. Королевский трон — а он, сколоченный из темных дубовых досок, занимает почти всю сценическую площадку — нескрываемая мечта Ричарда, вернее, неудержимая его цель. Эта разность масштабов — маленький, словно придавленный к земле своим уродством человек и огромный трон — символ неограниченной власти — и впрямь будет подчеркнута в спектакле, когда Ричард, получив наконец корону, водрузится на самую вершину престола. Но тем более страшный, тревожный смысл открывается в этом сопоставлении: не величественный тиран, не царственный деспот герой этого спектакля, не титаническая личность, хотя сами усилия, затраченные на достижение цели, титаничны. Злодейство предстает во всем своем нравственном ничтожестве.

Помните, по Пушкину: гений и злодейство — две вещи несовместные?.. Так вот, Ричард III у Ульянова не злой гений, а, скорее, азартный и умелый игрок, который ставит на карту все и всеми средствами стремится добиться выигрыша. При этом нечестные способы игры заявлены впрямую. В монологах, которые произносятся на выдвинутом вперед проscениуме и обращены непосредственно в зрительный зал, герой дает трезвую самооценку своим поступкам, явно кичится собственной низостью, сладострастно радуется подлым удачам. Это восхищено-бахвальское «а?!» (смотрите, мол, как ловко я продельваю свои темные дела), которым завершается каждый такой мо-

нолог, не только важный штрих в характеристике героя, но и своего рода ключ к решению образа, да и всего спектакля в целом, как жестокой авантюрной игры.

Ульянов не играет «чистую трагедию». Порой он намеренно «снижает» образ, пользуясь и бытовыми красками, и приемами гротесковыми, и эксцентрикой даже. И все это, оказывается, не только не деформирует характер, но придает ему жизненную объемность.

Ричард прибегает и к притворству, и к лести, и к хитрости, и к угрозам — во всем этом он великий мастер, искусно плетущий сети интриг и коварных замыслов. У Ульянова он не просто старается

захватить трон, он изо всех сил спешит ускорить этот час, потому действует с такой моторной энергией, все ускоряя ритм, наращая темп... Идет своеобразный «блицкриг», где главный бог — стремительный, обезоруживающий натиск, всеисилье всеохватывающего страха. Перемаляются через жернова насилия и произвола человеческие жизни, судьбы, человеческое достоинство. И крутит жернова, пользуясь бездействием запуганных жестокостью, охваченных страхом людей, сделавший свою ставку как раз на этот страх нравственный убудок.

Так старались прочитать сегодня пьесе создатели спектакля, которых, судя по всему, увлекала не реставрация хроники давно минувших столетий. Выводы, подсказанные произведением Шекспира, протягивали для них нить к урокам куда более ближней истории, напоминали о кровавом пути германского фашизма, когда дешевый фарс вылился в чудовищную по сути и масштабам трагедию.

В общей реализации постановки заявка на современное звучание шекспировской трагедии не всегда подкрепляется точной сценической разработкой, четкими, выразительными актерскими решениями. Однако в образе Ричарда III замысел получает последовательное художественное воплощение, сообщая характеру центрального героя особую действенную силу. Потому и отмечаешь в новом спектакле вахтанговцев в первую очередь работу Михаила Ульянова, в которой органически сочетаются творческая прозорливость и интеллектуальная энергия, направленная на поиски путей и средств современного толкования Шекспира.

Н. ИГНАТЬЕВА.